

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект
Вернадского, д. 82

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Калис Марии Николаевны
«Динамика спорных материальных правоотношений»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата юридических наук
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертационное исследование Калис Марии Николаевны посвящено теме, имеющей несомненную научную и практическую ценность.

С точки зрения отечественной доктрины с сожалением приходится констатировать, что исторически сложившийся отраслевой «изоляционизм» фокусирует внимание исследователей на явлениях строго определенной правовой отрасли. Увы, межотраслевые исследования – довольно большая редкость в отечественной научной среде. Тем более крайне редки работы, в которых бы рассматривались вопросы на стыке материально-правовых отраслей и отраслей процессуальных. Меж тем потребность в таких работах очевидна: в ряде случаев обнаруживается взаимодействие, взаимовлияние институтов материального права и цивилистического процесса. Более того, иногда между ними возникают конфликты и тогда требуется хорошая

доктринальная основа – только с опорой на нее можно найти какие-то взвешенные решения, выстроив верную логику отыскания оптимальной модели.

Еще бóльшую ценность работы на стыке отраслей права имеют для правоприменительной практики. Рассматривая судебные споры, правоприменители не могут отложить разрешение сложного вопроса – логика отправления правосудия требует четкого ответа в принимаемом судебном акте. И хорошо, если конкретный вопрос уже обсуждался высшей судебной инстанцией – тогда можно спокойно положиться на ее авторитет. Но, увы, до Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ доходит малая толика тех вопросов, которые требуют разрешения. И среди них общее число вопросов, находящихся на стыке права и процесса, исчезающе мало. Ситуацию усугубляет и то, что даже если соответствующий вопрос все же становится предметом рассмотрения, то квалификация конкретных правоприменителей далеко не всегда позволяет найти оптимальное решение. Что греха таить, судьи – тоже люди и учились они по тем же образовательным программам, что и судебные представители спорящих сторон, в отдельности постигая материально-правовые дисциплины (гражданское право, семейное право, жилищное право и др.) и дисциплины процессуальной направленности (гражданский процесс, арбитражный процесс и др.).

С этих позиций тема динамики спорных материальных правоотношений, безусловно, архиактуальна: проблематика возникновения, изменения и прекращения материальных правоотношений в случае, когда уже возбуждена судебная процедура, настоятельно ждет своих пытливых исследователей.

Скрупулезный анализ динамики спорных материальных правоотношений позволил автору прийти к весьма интересным выводам:

1. Так, диссертантом разработана оригинальная классификация спорных правоотношений в зависимости от юридических последствий нарушения или оспаривания права (с. 17 диссертации).

В основу классификации автор берет судьбу регулятивного правоотношения, соответственно выделяя группы, в рамках которых (1) новое материальное правоотношение, необходимое для восстановления нарушенного права не возникает; (2) регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения, но прекратилось в связи с нарушением; (3) регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения, не прекратилось в связи с нарушением, однако параллельно возникло еще и охранительное правоотношение, которое имеет иное содержание по сравнению с регулятивным.

В предложенную классификацию диссертант включила и довольно специфическую по содержанию четвертую группу – здесь требование управомоченного субъекта направлено на устранение неопределенности и признание регулятивного правоотношения существующим или отсутствующим.

Стоит отметить доктринальную ценность предложенной классификации: в ней – через обращение к теории регулятивных и охранительных правоотношений – довольно полно описаны возможные варианты, определяющие судьбу спорных материальных правоотношений.

Наверное, можно было бы упрекнуть автора в том, что из виду упущена ситуация, когда стороны изначально вообще не связывает какое-либо регулятивное правоотношение, а у истца есть лишь интерес в его возникновении (очевидный пример здесь – это преддоговорные споры). Впрочем, как следует из текста диссертации, М.Н. Калис относит подобные

ситуации к первой группе: «Между сторонами существует регулятивное правоотношение, в рамках которого у одной из сторон есть право или законный интерес, принудительная реализация которых направлена на создание нового регулятивного правоотношения» (с. 57 диссертации). Видимо, здесь диссертант исходит из авторского, какого-то специфического понимания регулятивного правоотношения, которое существует уже в момент появления законного интереса. Подход нестандартный, но, конечно, имеющий право на существование.

2. Ценность представляют выводы диссертанта о материально-правовом значении предъявления требования управомоченным лицом к обязанному лицу.

Утверждается, что применительно к ситуации, когда отсутствует тождество между нарушителем и обязанным лицом, «охранительная правовая связь и спор о праве возникают только после предъявления требования обязанному лицу и при условии его неисполнения» (с. 18 диссертации).

Считаем, что это довольно интересное в теоретическом плане суждение. Автор в качестве примера приводит здесь предъявление требований к поручителю и залогодателю. В отношении примера с требованием к поручителю логика диссертанта понятна: кредитор к нему предъявил требование, поручитель его не исполнил, после чего, собственно, и возникла охранительная правовая связь. А вот с примером в отношении залогодателя, видимо, не все так просто: как должен действовать залогодатель, чтобы исключить возникновение охранительной правовой связи? Что значит применительно к залогодателю второе общее условие, предложенное диссертантом («при условии его неисполнения»)? Похоже, здесь требуются отдельные размышления, поскольку специфика обращения взыскания на

предмет залога явно контрастирует с довольно линейной ситуацией, когда исполнение производится поручителем.

3. Несомненный интерес представляют выводы диссертанта о последствиях влияния устранения допущенного нарушения на спорное материальное правоотношение.

Автор права, когда утверждает, что «устранение нарушения права, ставшего причиной возникновения спора, влечет его прекращение только в случаях, когда содержание спорного правоотношения совпадает с регулятивным правоотношением»; «в иных случаях, когда возникло отличающееся по содержанию охранительное правоотношение ..., прекратить его устранением нарушения регулятивного правоотношения невозможно» (с. 19 диссертации).

Стоит согласиться и с тем, что «устранение правовой неопределенности при оспаривании прав достижимо именно в результате судебного установления содержания правоотношения или отсутствия правоотношения, в связи с чем обязанное лицо также лишено возможности прекратить спор своими односторонними действиями» (с. 19 диссертации).

Автором выдвинуты и другие идеи, заслуживающие самого пристального внимания. Однако обоснованность некоторых суждений все же вызывает сомнения.

1. Вряд ли можно согласиться с категоричным утверждением диссертанта о том, что «если управомоченное лицо не осуществляет выбор способа защиты нарушенного права, следует исходить из возможности осуществления выбора способа восстановления нарушенного права самим

обязанным лицом по аналогии с последствиями уклонения от выбора в альтернативном обязательстве» (с. 18 диссертации).

Подробное обоснование данного тезиса изложено автором в диссертации на с. 63-66. Действительно, должник имеет самый непосредственный интерес к тому, чтобы возникла правовая ясность при ненадлежащем исполнении им своей обязанности. Например, при передаче должником контрагенту товара ненадлежащего качества интерес состоит в скорейшем определении содержания охранительного правоотношения: то ли необходимо готовить к передаче иной товар, то ли возмещать разницу в цене между качественным и некачественным товаром, то ли совершать какие-то иные действия.

Внешне аналогия с последствиями уклонения кредитора от выбора в альтернативном обязательстве кажется вполне убедительной. Однако нам все же представляется, что обращение к механизму выбора, реализованному для конструкции альтернативного обязательства, имеет определенные препятствия.

Дело в том, что альтернативные обязательства, как правило, возникают по воле сторон и кредитор, что называется на свой страх и риск, соглашается с тем, что именно должник, реализовав свое секундарное правомочие, определит то, что в итоге составит содержание гражданско-правового отношения. В ситуации же, когда имело место нарушение именно со стороны должника, наделять его правом выбора того, какой из способов защиты определит содержание охранительного правоотношения, кажется нелогичным.

Конечно, здесь можно возразить: пассивность кредитора, который не осуществляет выбор способа защиты нарушенного права, как бы уравнивает положение. Кроме того, для гражданского оборота важно, чтобы как можно скорее была привнесена ясность в то, как именно будет устранено правонарушение должником.

И тем не менее полагаем, что идея допустимости права выбора способа защиты должником – идея очень сомнительная. Если речь идет о ненадлежащем исполнении (неисполнении) обязательства, то можно утверждать, что способ защиты имманентно связан с фигурой кредитора. Даже длительная нереализация права выбора кредитором не должна позволять должнику подобно известной унтер-офицерской вдове самому себя высекать, игнорируя волю кредитора к иным формам экзекуции. Если согласиться с предложением диссертанта, то ко всему прочему это откроет и возможность для злоупотреблений со стороны должника:

- он, к примеру, зная, что кредитор уже приобрел нужную вещь у другого поставщика, может тем не менее настаивать на устранении недостатков ранее переданного аналогичного товара;

- готовясь же к будущему судебному состязанию, должник может избрать такой способ исполнения, который создаст для истца наибольшие сложности в доказывании (с учетом установленных презумпций и фактического обладания конкретными средствами доказывания).

Однако неужели тогда пассивности кредитора вообще не следует придавать какое-либо правовое значение? Отнюдь. Такие последствия вполне можно определять, имея целью создание стимулов для кредитора как можно скорее определиться с выбором способа защиты, например посредством установления:

- конкретных пресекательных сроков либо сокращенных сроков исковой давности;

- компенсаторных механизмов, изменяющих с течением времени к выгоде должника содержание охранительного обязательства;

- продолжниковых презумпций (а возможно даже и фикций) при длительном пассивном поведении кредитора и т.п.

2. Вызывает также сомнения предложенный автором «момент наступления материально-правовых юридически значимых последствий преобразовательного судебного решения» для случая, когда «потребность в завершении юридического состава судебным решением связана с наличием спора о праве, и при его отсутствии правоотношения могли бы быть прекращены по соглашению сторон» (с. 20 диссертации).

М.Н. Калис указывает, что «в таком случае наступление юридически значимых последствий может быть решением суда соотнесено с моментом, когда наступили все иные элементы юридического состава» (с. 20, 21 диссертации).

Самый очевидный пример здесь, который приводится самим же диссертантом, это судебное расторжение договора при его существенном нарушении одной из сторон. Предложенный диссертантом подход, если мы правильно поняли авторскую идею, означает, что расторжение договора будет носить ретроспективный характер (основания для расторжения ведь наступили до предъявления иска). Полагаем, это весьма неудачное решение с позиций стабильности гражданского оборота: стороны находятся в состоянии спора, суд довольно длительный период рассматривает дело, выносится судебное решение, потом оно после апелляционной проверки вступает в законную силу и тут выясняется, что последние полгода (или год) договор уже не действовал! Соответственно, всё произведенное исполнение в этот период подпадает под правила о кондикции. Однако если бы какая-то из сторон перестала исполнять договор уже в момент возникновения оснований для расторжения, то и в этом случае она бы довольно сильно рисковала – нет ведь никакой предопределенности в том, что будет принято именно решение о расторжении. Соответственно, неисполнение может быть впоследствии квалифицировано именно как неисполнение договора. Как говорится, куда ни кинь, всюду клин.

К сожалению, в тексте диссертации нам не удалось обнаружить аргументов, которые бы обосновывали предложенный диссертантом подход. Уверены, во время публичной защиты автор сможет убедить членов диссертационного совета в том, что момент вступления решения в законную силу следует игнорировать, а учитывать именно «момент, когда наступили все иные элементы юридического состава».

В целом же необходимо заметить, что поставленные в настоящем отзыве вопросы носят дискуссионный характер и не только не умаляют научных достоинств проведенного диссертационного исследования, но и позволяют сделать вывод о несомненно творческом характере работы.

Научный уровень выполненного диссертационного исследования отвечает требованиям, предъявляемым к работам на соискание ученой степени кандидата наук.

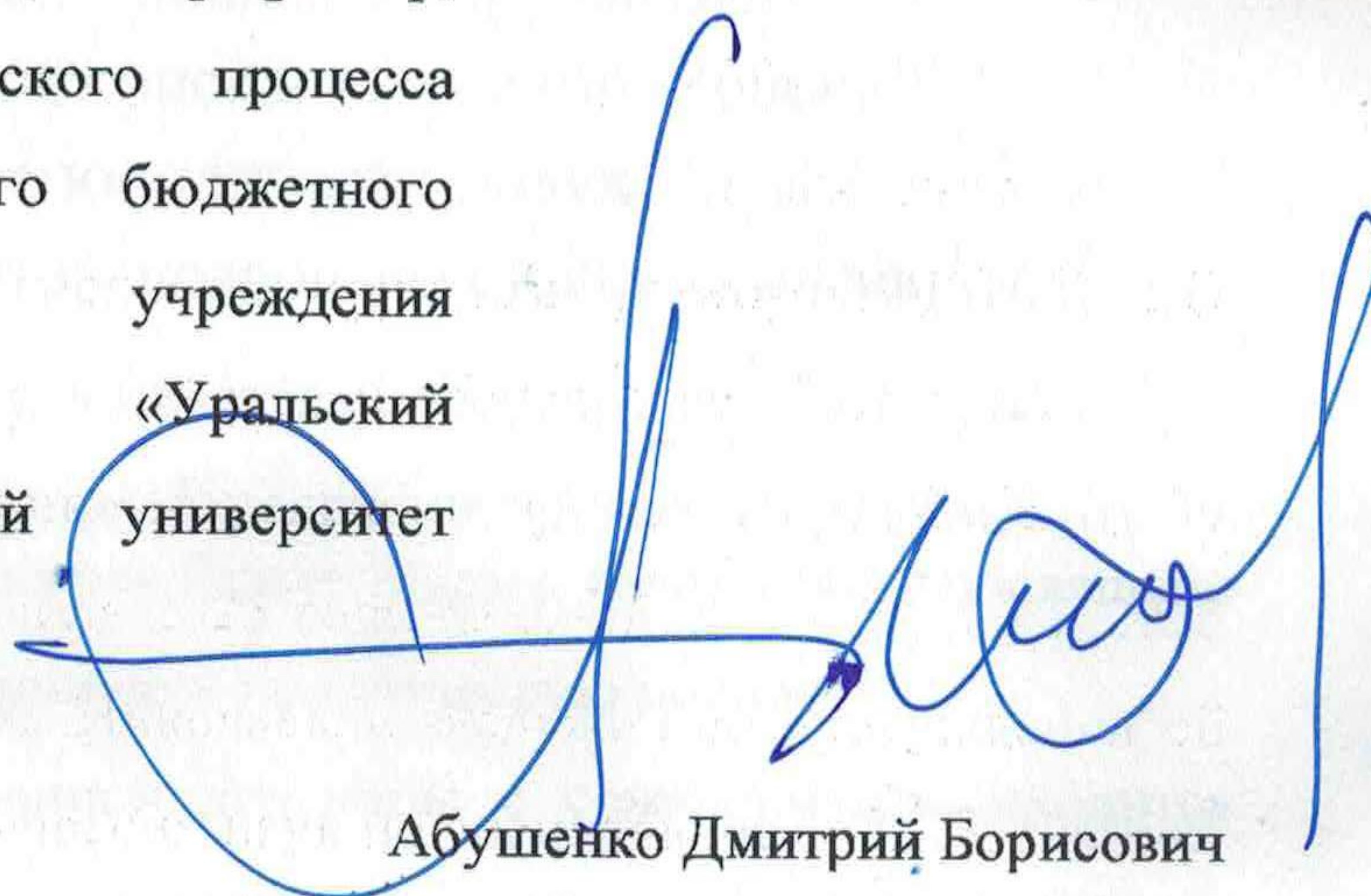
Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, достаточно обоснованы; их достоверность и новизна также не вызывают сомнений.

Заключение:

Диссертация Калис Марии Николаевны «Динамика спорных материальных правоотношений» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (с последующими изменениями и дополнениями) и Порядка присуждения учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказов РАНХиГС от 30 апреля 2025 года № 02-763, 10 июля 2025 года № 02-1313; 17 сентября 2025 года № 02-1794), а Калис Мария Николаевна заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования «Уральский
государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»

Абушенко Дмитрий Борисович

«30» апреля 2026 г.

Адрес места работы: 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Тел.: +7 (343) 227-17-31

Адрес электронной почты: abushenko73@yandex.ru

Специальность, по которой защищена докторская диссертация: 12.00.15 — гражданский процесс; арбитражный процесс

